

Проблемы исторической реконструкции в археологии, калиброванные даты и новые решения майкопской проблемы

[Надежда Николаева](#)

В продолжение темы майкопской культуры перепечатываем еще одну статью археолога, канд. ист. наук Н.А.Николаевой, опубликованную в журнале Вестник Московского государственного областного университета (№1, 2009, с.162-173)

Раннебронзовый век Северного Кавказа отмечен приходом западных семитов из Северной Месопотамии (Большой Майкопский курган) и древнеевропейцев из Центральной Европы (курганы у ст.Новосвободной и урочища Клады, Нальчикская гробница). Эти одновременные события произошли в 23 в. до н.э. Поселения предмайкопского горизонта (Галюгаевское и его аналоги) с псевдомайкопской керамикой связаны с более ранней миграцией прасемитов на Северный Кавказ. Поселения (Мешоко, Замок) связаны, в основном, с чуть более ранней до-новосвободненской индоевропейской миграцией из Подунавья. Калиброванные даты С 14 для Майкопа и Новосвободной противоречат системе традиционных исторических дат III тыс. для памятников древнего Ближнего Востока и не могут быть приняты для абсолютного датирования памятников Кавказа, связанных с Майкопом и Новосвободной.

Постановка проблемы.

В конце XIX в. до н.э. Н.И. Веселовским были раскопаны два выдающихся памятника на Северо-Западном Кавказе: курган в г. Майкоп [23] (рис.1,2:А) и дольмены в ст. Новосвободной [24] (рис.2:В, С), определивших характеристику раннебронзового века Северного Кавказа. До 70-х годов XX века оба памятника оставались изолированным явлением в картине исторического развития юга Восточной Европы. С открытием в Северном Причерноморье памятников энеолита/ранней бронзы, содержащих керамику, близкую по форме и технологии к *новосвободненской*, (а не майкопской, как думают украинские археологи) исследователи обратились к вопросам происхождения, относительной и абсолютной хронологии этих памятников, к проблеме этнокультурных связей между строителями майкопских курганов и новосвободненских дольменов [5; 7; 8; 9; 14; 32; 34]. Эти вопросы составляют содержание так называемой «майкопской проблемы», для которой на сегодняшний день имеется только ряд взаимоисключающих решений и по дате, и по происхождению Майкопа и Новосвободной. Манипуляции последнего времени с калиброванными радиоуглеродными датами майкопских и новосвободненских памятников, уводящие их в начало IV тыс., подготовил и полный хронологический разрыв древнего Кавказа с областями и цивилизациями древнего Ближнего Востока, где ранее археологами фиксировались аналогии майкопскому комплексу [4;12; 33]. Причины такой кризисной ситуации в отношении раннебронзового века Северного Кавказа разбираются в этой статье; предлагается система приоритетов в решении данной проблемы.

Рис.1 Большой Майкопский курган:5-6,10-13,15 – серебро; 1-4, 8,9, 23 – золото; 19-22 – бронза; 24-26 – керамика.

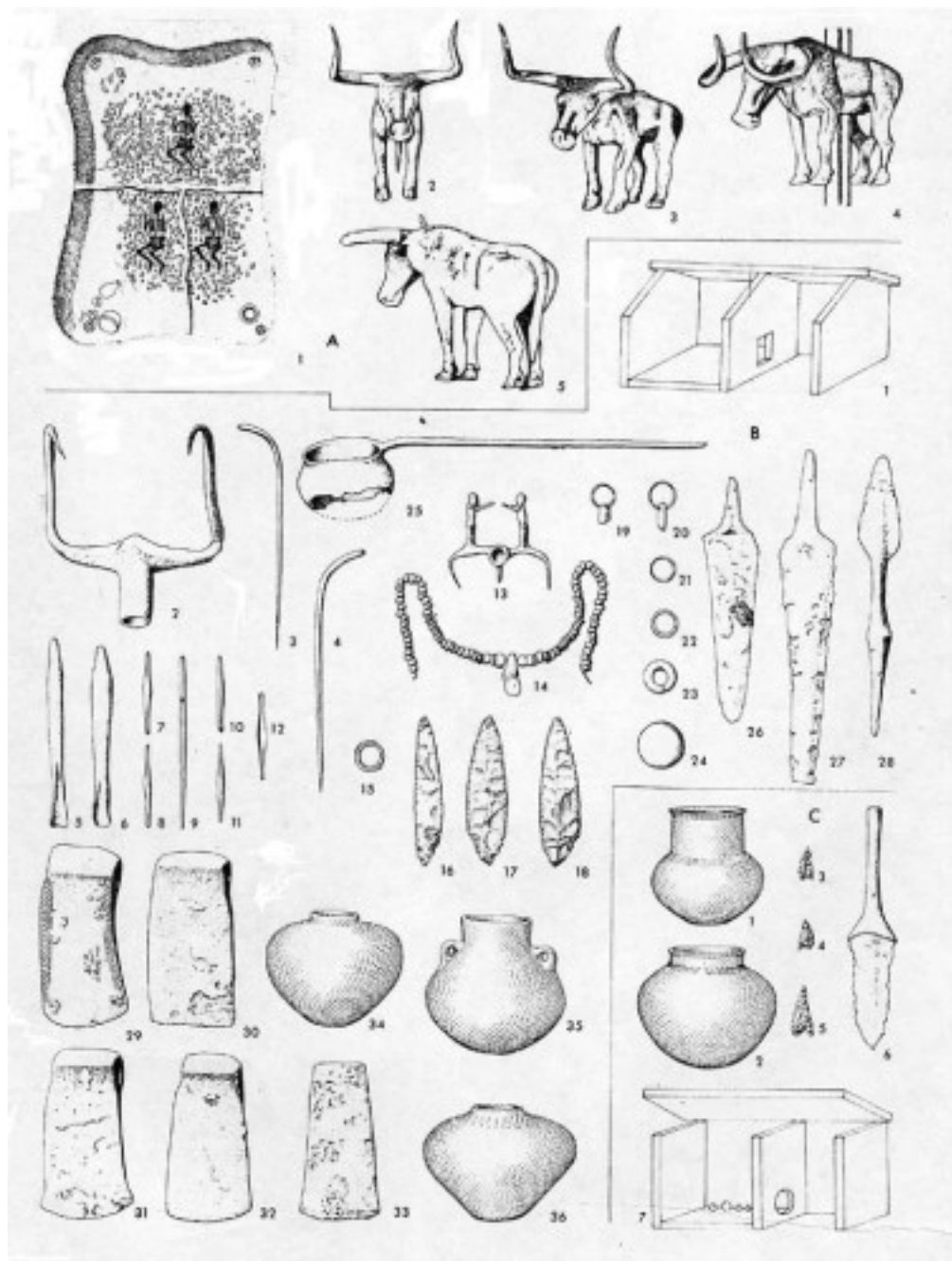

Рис.2 А – Большой Майкопский курган: 1-план могилы; 2-5 –золото; В –дольмены Новосвободной: 1 – дольмен 1:2, 5-12, 26-28, 29–33—бронза;34-36 – керамика;19-23 – золото; 16-18 – кремьень; 24-каменный шар. С-дольмены Новосвободной: 6-бронза; 1,2 – керамика; 3-5 – кремьень; 7 – дольмен.

Происхождение и датировка Большого Майкопского кургана.

Уже первые исследователи этих памятников выделили в качестве датирующего компонента майкопского комплекса манеру изображения вереницы животных на серебряных сосудах Майкопа (рис.1:5). Они пытались найти место Майкопа в системе ближневосточных древностей, сравнивая уникальный майкопский художественный стиль с реалистическим искусством как додинастического Египта (конец IV тыс.), Протописьменного IV (IV/III тыс.), так и Раннединастического III в Месопотамии (25 – 23 вв.) [29]. С ростом источниковой базы расширялся круг аналогий и в Малой Азии, и в Иране [30]. Направление поисков было верным, но разброс дат не решал поставленной задачи. Было очевидно, что сходные сюжеты, объекты, изображаемые в реалистической манере, в искусстве Месопотамии бытуют на протяжении столетий. Чтобы остановиться на истинных параллелях для майкопского художественного стиля и уменьшить хронологический интервал бытования таких сюжетов, требовалось разработать методику сравнения подобных категорий источников. В статье 1982 года мы впервые показали и свою методику сравнения образцов изобразительного искусства, и обосновали свою датировку искусства Майкопа 25 – 23 вв. до н.э. [19].

Территориальная близость Майкопа и Новосвободной, монументальность памятников, их частичная синхронность дали повод

к бездоказательному объединению Майкопа и Новосвободной в рамках единой «майкопской культуры» [10]. Это завело в тупик реконструкцию культурно-исторического процесса на Северном Кавказе в эпоху бронзы и заставило сторонников однокультурности Майкопа и Новосвободной внести коррективы в терминологию: на смену майкопской культуре с майкопским и новосвободненским этапами приходит «многокомпонентная» майкопско-новосвободненская культурно-историческая общность, части которой могут *формироваться независимо друг от друга!* (курсив наш — Н.Н.) [33, 42; 12, 11. сн. 2; 36]. Ничем не подкрепленный термин «майкопская культура» как генетическое единство майкопского и новосвободненского комплекса удержался в течение 50 лет не потому, что соответствует реальности, а потому, что не было и нет *дискуссий об археологических методах различения фактов ареальных контактов и генетического родства археологических культур.* До обнаружения кавказского материала за пределами Кавказа проблема однокультурности Майкопа и Новосвободной касалась ограниченного круга исследователей. Однако когда появились новые материалы по энеолиту Украины, стало далеко не безразлично, представляет майкопская культура, составленная из памятников Майкопа и Новосвободной, органическое единство или механическое смешение. Интерес к Северному Кавказу возник вновь с открытием в 60-х годах XX века на территории Украины памятников типа нижнего слоя Михайловки, кеми-обинской культуры, когда стал вопрос о происхождении и дате этих памятников. Вопросы хронологии и выявления компонентов позднейшего Триполья, генетически связанного с нижнемихайловскими, кеми-обинскими памятниками, также способствовали обращению украинских археологов к северокавказским древностям. В 1971 году В.Г. Збеневич, отражая общую точку зрения украинских ученых, говорил о «*энеолитических памятниках Северного Кавказа, которые внесли вклад в трансформацию усатовских памятников.*» [7, 193; 8, 42]. О.Г. Шапошникова в это же время отмечала черты сходства в керамике Михайловки I с *энеолитическими памятниками Северного Кавказа* [31, 257]. Затем в украинских работах вместо «энеолита Северного Кавказа» появился термин «*майкопские памятники*», под которыми можно было подразумевать и майкопские, и новосвободненские [32, 331]. Эта терминологическая разночтенность, проистекавшая из мнимой однокультурности Майкопа и Новосвободной, породила путаницу в выводах: о влиянии майкопской культуры на сложение нижнемихайловских, кеми-обинских и усатовских памятников, о миграциях северокавказского населения в Степь, о синхронности Майкопа триполью С1 или памятникам нижнемихайловского типа [7, 42]. Таким образом, методологическая ошибка объединения разнокультурных комплексов в одну культуру привела к ошибке в исторических выводах, суть которой состояла в утверждении мнимого влияния майкопской традиции на Северное Причерноморье, поскольку имелось в виду сходство этого круга памятников с Новосвободной, бездоказательно относимых кавказоведами к майкопской культуре.

Дата Майкопа 25 – 23 вв. и Новосвободной 23 – 20 вв. справедливо считалась неоспоримой до 1977 года. Затем появилось исследование [1; 2], в котором получил развитие тезис о сходстве майкопского искусства с искусством додинастического Египта и Протописьменного периода Месопотамии, и приведен ряд аналогий майкопской керамике в памятниках Северо-Западной Сирии и Финикии, Месопотамии, датирующихся Протописьменным IV [1, 50]. Дата Майкопа 3200 – 2900 гг. до н.э. на основании этих ближневосточных аналогий неожиданно была принята в 80-х годах XX века всеми археологами [12; 25]. Учитывая частичную синхронность Майкопа и Новосвободной, археологи удревели дольмены Новосвободной до конца IV тыс. до н.э. Новая дата вступала в противоречие с датой Новосвободной по западной линии синхронизации 2400-2200 гг., по Збеневичу. *Главным следствием этих ошибочных передатировок стал разрыв археологической истории Кавказа и Восточной Европы с синхронной историей Малой Азии, Месопотамии, Восточного Средиземноморья, Египта.*

Такова была ситуация, когда мы обратились к этой тематике. Мы приняли активное участие в решении майкопской проблемы как своими раскопками памятников бронзового века в Прикубанье и в Северной Осетии в 1972 – 1981 гг., так и своими теоретическими разработками в 1974, 1980, 1982, 1987 и 2004 году. В 1982 году [18; 19; 26] мы детально обозначили свою точку зрения по всем аспектам майкопской проблемы. Это был целый сборник наших статей объемом 10 п.л.

Критический разбор концепции однокультурности Майкопа и Новосвободной [18, 9–28] показал, по нашему мнению, ошибочность передатировки Майкопа концом IV тыс. до н.э. Анализ искусства Месопотамии от Протописьменного до аккадского периода позволил нам найти точные аналогии как сюжетам, так и манере изображения животных на сосудах Майкопа в памятниках Раннединастического III Месопотамии, датирующихся 25 – 24 вв. до н.э. [19, 28 – 63]. Был установлен центр бытования всех типов майкопской керамики в междуречье Хабур и Балиха Это было поселение Телль Чуэйра в заевфратском ареале западносемитского государства Эбла. (рис.3;4;). Движение «майкопцев» связывалось с уходом западносемитской общины *ibri* сначала из Ура в Харран, в Эблу, а потом с уходом какой-то части заевфратских поселенцев Эблы на Северный Кавказ, незадолго до разрушения Эблы аккадским царем Нарам-Суэном в 2225 гг. до н.э. [26, 63-104]. По нашему мнению, дата майкопской культуры 23 в. до н.э., кроме типологических параллелей, убедительно подкрепляется анализом исторической ситуации в Месопотамии и Восточном Средиземноморье [28, 78], показавшим, что *23 в. до н.э. – это единственно возможная историческая дата, связанная с историческими событиями, вызвавшими перемещение древностей майкопского типа с Северной Месопотамии на Северный Кавказ.*

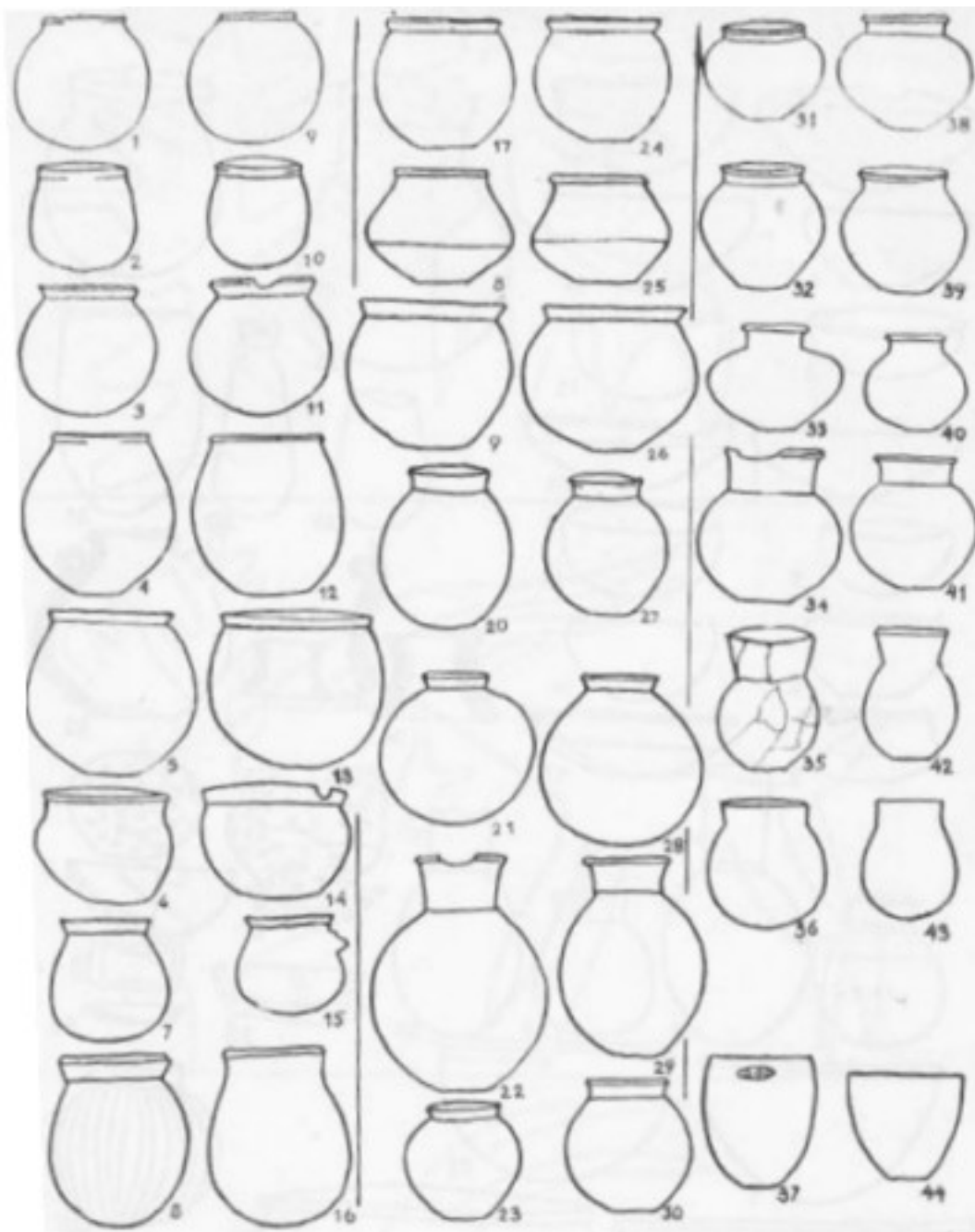

Рис.3 Прасемитские (Протописьменный IV) керамические формы в Майкопе и в Эбле: (25-24 вв.):1-8, 17-23, 31-37 –Майкоп; 9-16, 24-30, 38-44 – Тель Чуэйра, Северная Месопотамия.

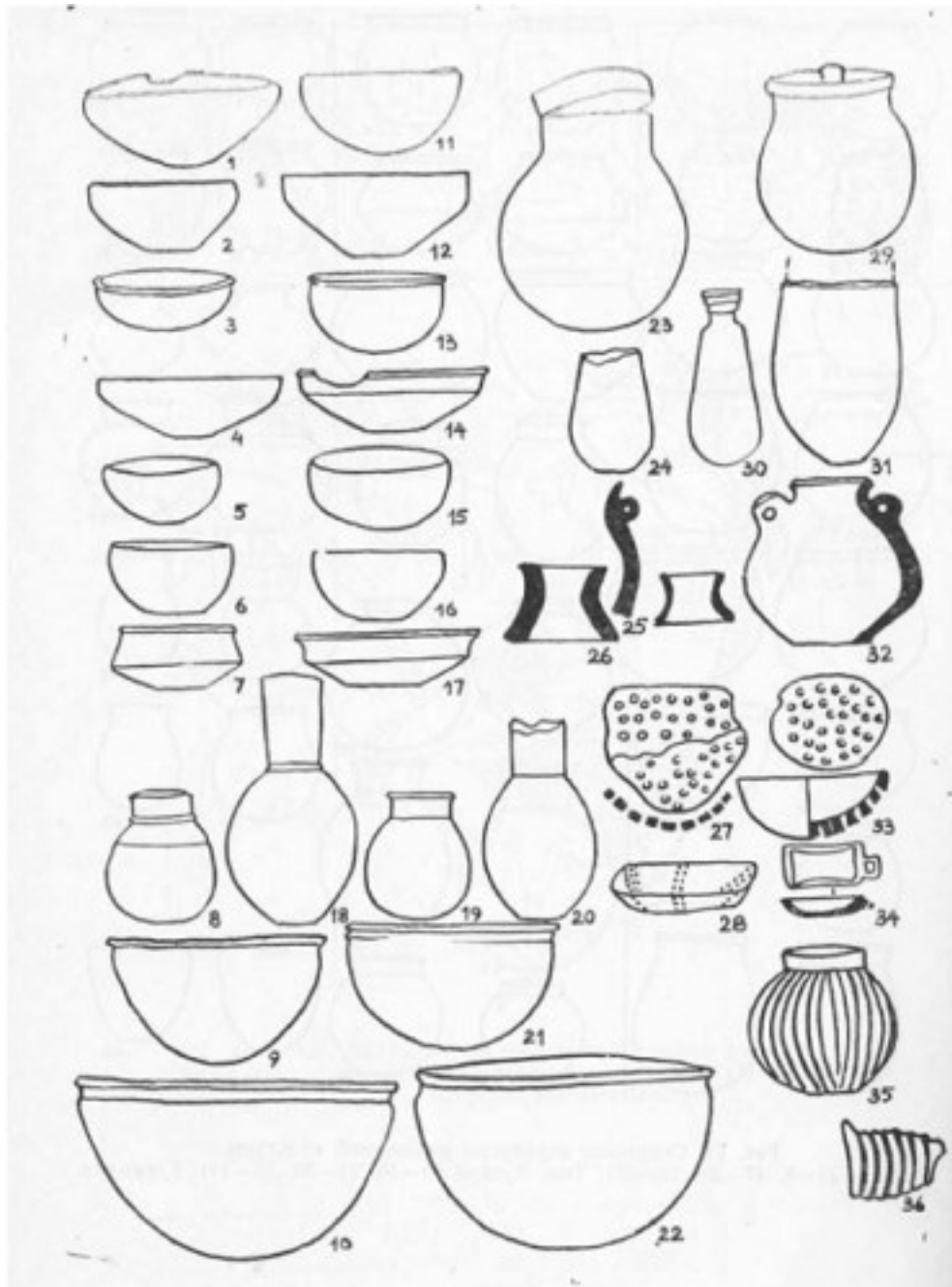

Рис.4 Семитская атрибуция майкопской культуры. 1-10, 23-28, 35 – Майкоп ;11-22, 29-34, 36 – Тель-Чуэйра.

В 1989 году в связи с находкой уникальной цилиндрической печати в майкопском погребении в Закубанье В.А. Сафроновым была уточнена дата этой печати на основании аналогии в комплексе царского некрополя в Уре в Южном Двуречье (Раннединастический III – 25 – 24 вв. до н.э). На печати был изображен олень около Мирового дерева (рис.5:1)[16; 27, рис.74] До этого автор раскопок А.А. Нехаев, обнаруживший печать, привел единственную и неточную аналогию из памятников Протописьменного периода, изображающую козу с короткими ногами и длинным туловищем. [27, рис. 73:2] (рис.5:2). *Находка печати и весь металлокомплекс Майкопа окончательно доказывали принадлежность майкопской культуры к культуре Месопотамии Раннединастического III периода* (рис.5). Наша общая точка зрения по дате и генезису Майкопа была повторена В.А. Сафроновым в первой дискуссии по майкопской проблеме, опубликованной в «Советской археологии» в 1990 году [27а, 137–143]. *Находки последнего времени в Тель Хазне (недалеко от Тель Чуэйры), а именно погребения с майкопской керамикой, датирующегося по аналогиям с Тель-Браком, Чагар-Базаром Раннединастическим III, т.е. 25-24 вв. до н.э. [15, 20-40] окончательно разрешили длительную дискуссию о дате Майкопа в нашу пользу.*

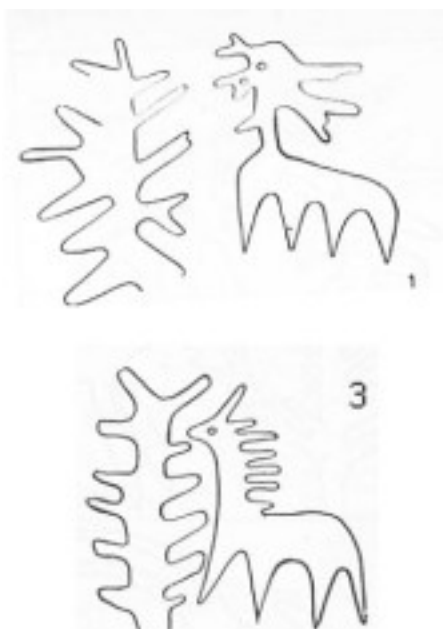

Рис. 5. Месопотамские параллели майкопской цилиндрической печати:

**1 — Красногвардейское к/п; 2 — Урук ПП IVa;
3 — царский некрополь РД III Ура.**

Рис.5 Месопотамские параллели майкопской цилиндрической печати: 1—Красногвардейское к/п; 2– Урук ПП ; 3 – царский некрополь РД III Ура.

В монографии 2003 года мы сделали особый акцент на историческом обосновании появления носителей майкопской культуры на Северном Кавказе [27, с.34-35], а также уточнили этническую атрибуцию населения заевфратской части Эблы как западносемитскую, но не *ibri*. [28, 255]. Рассмотрев историю заселения Месопотамии с VI тыс. до н.э., мы пришли к выводу, что археологическим эквивалентом шумеров являются культура Убейд, а эквивалентом прасеверносемитов является культура Урук-Варка (слои 15-4) [28, 162-167]. Разделение двух культур Убейда и Урука оказалось своевременным, так как в последних работах майкоповедами употребляется термин «убейд-урукский комплекс» в отношении «майкопских» параллелей из Протописьменного IVA [11;12] без понимания того, что под этим названием скрывается два этноса. Прасеверносемитская атрибуция урукских памятников и обнаружение их в Северной Месопотамии и в поселениях около Малатьи и Ялазига является свидетельством движения прасеверносемитов на север еще в Протописьменный период, явления так называемой «экспансии Урука» [28, 165]. Распространение элементов их культуры далее в Закавказье и в восточной части Северного Кавказа (появление керамики, похожей на майкопскую, в памятниках куро-аракской культуры и куро-аракские «очажные подставки» на майкопских поселениях) задолго до появления памятников типа Большого Майкопского кургана свидетельствует, что прасемитский этнический субстрат доходит до Кавказского хребта на гребне движения носителей пракартвельского языка из района Северо-Западной Сирии (хирбет-керакская –куро-аракская культура) в 28–26 вв. Общепринято вести миграцию куро-аракской культуры из Закавказья, но стратиграфия Амука и Арслан-Тепе показывает, что причиной движения населения с юга на север была экспансия Урука при том, что часть прасеверносемитов с культурой Урука повернула через Евфрат на юг к Персидскому заливу. По нашему мнению, комплекс Большого Майкопского кургана никак не может быть датирован только на основании того, что 1/30 его часть имеет более широкий интервал бытования на Кавказе и на Древнем Востоке.

Разбор исторической ситуации в Месопотамии на рубеже IV / III тыс. помогает интерпретировать майкопоподобные культурные элементы в Восточном Средиземноморье – в Библе и Амуке F [1, 50], в Малой Азии – Арслан-Тепе VII [12] и Северной Месопотамии конца IV – начала III тыс до н.э. (Хабуба-Кабира) как экспансию прасемитов на север и на восток.

Начало III тыс. до н.э. – время экологического кризиса на планете, результатом чего стали одновременно протекавшие прасемитские миграции на север и индоевропейские миграции из Центральной Европы на юго-восток Восточной Европы, материализовавшиеся в том числе и в памятниках энеолита/ранней бронзы Украины, и в памятниках домайкопского горизонта на Северном Кавказе [27, рис.52], и позже в дольменах Новосвободной. Реминисценции керамической традиции, сюжетов и манеры исполнения в изобразительном искусстве Египта, Восточного Средиземноморья, Месопотамии, юго-востока Малой Азии в конце III тыс. до н.э. объясняется тем, что эти регионы заняты с середины IV тыс. прасемитским населением, а затем их преемниками – западными семитами.

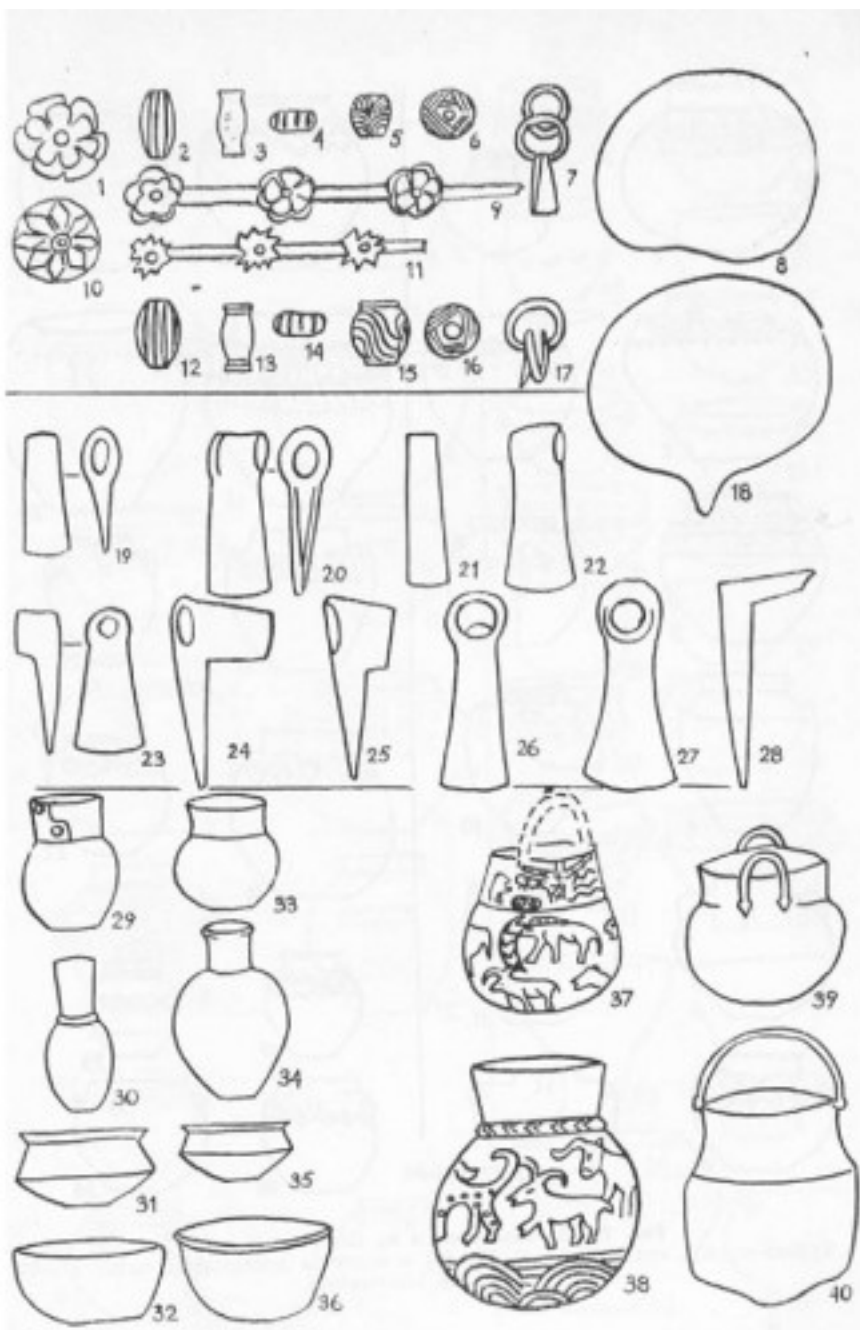

Рис.6 Аналогии майкопскому металлокомплексу в Месопотамии РД III: 1-8, 19, 23, 29-32, 37, 38 –Ура;10-18, 20-28, 33-36, 39, 40 [27, рис.71-75].

Происхождение новосвободненского комплекса.

Новосвободненский комплекс (рис.2: В, С), напротив, изначально связывался с позднеэнеолитическими памятниками лесной полосы Центральной и Восточной Европы [4], а в последние десятилетия – с памятниками азово-черноморского энеолита [5] или нижнемихайловского типа в Нижнем Поднепровье [32], однако вопросы происхождения дольменов Новосвободной эти аналогии не решали.

В работе 1974 г., посвященной происхождению культуры дольменов Новосвободной, [17, 174-199] мы, во-первых, приняли ранее высказываемое предположение о разнокультурности Майкопа и Новосвободной, во-вторых, показали *сходство культуры дольменов Новосвободной с кеми-обинской, усатовской и центральноевропейской культурой шаровидных амфор и частично культуры воронковидных кубков* (далее КША и КВК) по 11 признакам погребальных конструкций, по 10 признакам обряда погребения и по 8 технологическим характеристикам керамики. В-третьих, нами были рассмотрены относительная хронология и радиоуглеродные даты памятников, содержащих керамику культуры воронковидных кубков (далее КВК) и КША, нижнего слоя поселения Михайловки, поздне трипольских памятников, обеспечивающих дату Новосвободной в пределах 2400 – 2200 гг.[17,188–193]. Западноевропейские памятники с элементами новосвободненского комплекса были более древними, чем дольмены Новосвободной. Происхождение новосвободненского комплекса на Кавказе мы связали с миграцией населения

из районов Малопольши и Прикарпатья на Северный Кавказ и выдвинули гипотезу, что этническая атрибуция Новосвободной – индоевропейская, а миграция ее носителей – одна из фаз развития индоевропейской общности [17, 193 – 194].

Дальнейшие раскопки подтвердили правильность нашей позиции. Спустя 10 лет к нашей точке зрения (о западноевропейском происхождении новосвободненского комплекса) присоединился ряд исследователей [1; 2; 27, 221]. А.Д. Резепкин провел раскопки в урочище «Клады» у ст. Новосвободной и в 1989 году предложил новую периодизацию раннебронзового века. Он считает, что в первых трех стратиграфических горизонтах его периодизации присутствуют как майкопские, так и новосвободненские сосуды, что говорит о *синхронности* Майкопа и Новосвободной с момента первого появления их в Закубанье. К этому же горизонту он относил и погребение с повозкой (кубано-днепровская, по нашей классификации; новотитаровская, по А.Н.Гею), что подтверждается и раскопанным нами в Прикубанье погребением с двумя повозками и новосвободненским комплексом (Крупская к.3 п.16) [21, 26. рис.4] Ошибочная синхронизация Майкопа и Новосвободной с предмайкопским горизонтом (Мешоко, Свободное) и неверная датировка Арслан-Тепе VII- VIa с находками штыковых копий новосвободненского типа привела А.Д. Резепкина к неправильному заключению о дате Майкопа и Новосвободной 3250 – 2500 гг. и происхождению Майкопа из убейдского комплекса. Генезис Новосвободной исследователь видит в *ранней группе* культуры воронковидных кубков в Центральной Европе, от которой пояс родственных культур протянулся, по его мнению, до Кавказа, юго—восточная точка которого это – дольмены Новосвободной. Весь пояс – блок культур, по Резепкину, имеет *индоевропейскую атрибуцию*, однако этот вывод им самостоятельно не обосновывается. Новосвободненская традиция, по модели А.Д. Резепкина, повлияла на сложение майкопской культуры [25]. Противоречивость выводов А.Д.Резепкина была справедливо раскритикована С.Н. Корневским [11, 170 и сл.; 12, 67]. На наш взгляд, А.Д. Резепкин допускает ошибку в общей хронологии, в синхронизации нижнемихайловских, предмайкопских и новосвободненских памятников [25].

Так обозначились две точки зрения на западное происхождение культуры новосвободненских дольменов: первая – из области КША второй половины III тыс. (Н.А. Николаева, В.А. Сафронов, 1974) и вторая – из области КВК IV тыс. (А.Д. Резепкин, 1989). Направление миграции с северо-запада Европы на Кавказ поддерживает и несомненный авторитет, профессор Л.С. Клейн, первый миграционист, кто в начале 1960-х годов выступил против засилья автохтонизма в археологии и, по сути, обозначил новое плодотворное миграционное направление исследований в археологии. В русле миграционных воззрений находятся и все наши работы.

Как показали новые археологические открытия, публикация А.Д. Резепкиным могильника «Клады» у ст.Новосвободной, убедительные типологические параллели керамике Новосвободной имеются не только в названных КВК, но и в большом числе культур – в нижнемихайловских памятниках, в кеми-обинской [34, 330], позднетрипольской и усатовской культурах, в западном варианте древнеямной культуры [27, рис. 50:17], болераз-баденских памятниках, в культуре шаровидных амфор (КША) и шнуровых керамик (КШК) [27, рис.27, 30, 40, 54], поэтому *центр сложения новосвободненского комплекса следует искать на основе других критериев*. Причем, следует, во-первых, объяснить широкое бытование сходных форм в разных культурах Центральной Европы, т.е. обосновать критерии выбора аналогии только в КВК. .В данном случае А.Д. Резепкин допускает ту же ошибку, что и М.В. Андреева: их вводит в заблуждение длительность существования керамической формы почти в неизменном виде в нескольких хронологически следующих друг за другом культурах. Вместо того, чтобы искать объяснение длительному бытованию керамической традиции (формы), оба исследователя принимают самую раннюю дату памятников с искомой формой за единственно возможную.

Широкий спектр культур, где отмечаются эти аналогии, может быть объяснен только на основе концепции В.А. Сафронова о позднеиндоевропейской прародине в Подунавье. Согласно его гипотезе [27] после завершения процесса «меридиональной» индоевропеизации в начале III тыс. начались «широтные» ареальные контакты носителей праиндоевропейского языка с автохтонами севера Центральной Европы. В результате образовались новые союзы, отраженные в древнеевропейских диалектах, археологическими эквивалентами которых были КВК, КША, КШК. При их взаимодействии и взаимопроникновении сложились также общие керамические формы, которые и отразились в керамике Новосвободной. По этой причине эти аналогии являются только свидетельством генетической связи перечисленных культур и Новосвободной, а значит, и индоевропейской атрибуции последней. Калиброванные даты памятников новосвободненского типа в границах cal.3650 – 3100 гг. до н.э. выходят за границы дат КВК, как отметил С.Н. Корневский [11, 172], что ставит под сомнение происхождение Новосвободной из КВК.

Среди определенного круга исследователей крепнет мысль, что есть некое единство в культурном развитии на пространстве от Малопольши, Прикарпатья до Северного Кавказа. Нет только *приемлемого* решения о механизме возникновения этого единства. Ю.Ю. Рассемакин предлагает свою модель исторических событий III тыс. до н.э. Он определяет этот период, как время миграции, «объединившей оба берега Днепра, до Южного Буга и Прута и Предкавказья». Он отмечает движение майкопско-новосвободненских элементов в Поволжье, на Дон и в Крым и распространение с запада трипольских (касперовско-гордишестского типа) импортов вплоть до Предкавказья. «В целом, финал энеолита в степном Причерноморье можно назвать встречной позднемайкопской и позднетрипольской колонизацией» [35, 214]. По нашему мнению, эти схемы не убеждают ни по поводу относительной хронологии памятников, ни о направлении миграции. Однако можно допустить, что трудно разделить два пласта Мешоко (нижний слой) и Новосвободненские дольмены на памятниках Северного Причерноморья и датировать новосвободненскую культуру по западной линии синхронизации. В этом случае существуют другие подходы к

датировке Новосвободной, исходя из генетической связи Новосвободной и сменяющей ее кубано-терской культуры (КТК) Северного Кавказа. Кубано-терская культура происходит из области КША и КШК, датируется по западной линии синхронизации временем после исчезновения Триполья и до 20 в. до н.э., сменяется культурой шнуровых керамик, поскольку в 20 в. до н.э. в Малопольше появляются переходные памятники—катакомбы с керамикой КША+КШК. Известны радиоуглеродные даты начала КТК, полученные А.Л. Нечитайло для погребений Усть-Джегутинского могильника – 21–20 вв. до н.э. [17, 188] Следовательно, поздняя хронологическая граница Новосвободной – 21 в. до н.э.

В последние два десятилетия произошел значительный прирост источниковой базы по майкопской проблематике: были раскопаны новые майкопские поселения, новые погребальные памятники майкопской и новосвободненской культур [12; 25], памятники предмайкопского горизонта. Они свидетельствуют о том, что *Майкоп и Новосвободная практически синхронны друг другу и имеют узкий хронологический диапазон бытования в пределах десятилетий*, а не столетий, как принято считать майкоповедами [12; 25]. Их нижняя граница диктуется датой поселений предмайкопского горизонта, а эта дата, как следует из типологии, соответствует нижнему слою Михайловки, содержащему как трипольскую керамику периода С1 / С2, среднестоговскую керамику, так и керамику типа КША и КШК, что в абсолютных датах определяется 2400 – 2200 гг. [9; 13; 32] Верхняя граница диктуется ранними погребениями КТК, даты которых 21 в. до н.э. по западной линии синхронизации (см. выше) хорошо согласуются с датой посткуроаракских погребений сачхерского типа 20 – 19 вв. до н.э., керамические сосуды и топоры которых зафиксированы в Северной Осетии в могильнике у с. Дзуарикау (1/2, 2/2) [20а, 24,26]

В настоящее время имеется 20 радиоуглеродных дат, которые относятся как к майкопским, так и к новосвободненским комплексам [11, 172; 12, 123]. Разброс дат С14 (3300 – 2150 гг. до н.э.) занимает интервал больше 1100 лет. В этом интервале, по мнению В.А.Трифоновой, А.Д.Резепкина, С.Н. Корневского, находятся реальные даты Майкопа и Новосвободной. Ю.Ю. Рассмакин указывает интервал для новосвободненских памятников 3400-2900 гг., а для майкопских памятников – 4100—3800 гг. [35] По нашему мнению, майкопские и новосвободненские памятники не могли существовать в столь широком диапазоне, поскольку не демонстрируют никакой эволюции. В лучшем случае они занимают по времени несколько десятков лет. Встает вопрос о культурной атрибуции образцов, взятых на анализ по С₁₄. Прочитаем замечания С.Н. Корневского по поводу дат А.Д. Резепкина: «Не секрет, что даты по С₁₄ могут быть дефектными. В целом даты имеют широкий диапазон, не позволяют достаточно узко датировать комплексы» [11, 172]. С.Н. Корневский совершенно правильно сомневается в культурной атрибуции погребений, дата которых устанавливается. Те же вопросы встают и у нас по отношению к датам, приводимым самим С.Н. Корневским [12, 123]. После калибровки даты Майкопа и Новосвободной находится в интервале 4000 – 2900 гг. до н.э. С.Н. Корневского не смущает, что самая ранняя калиброванная дата Майкопа древнее, чем Арслан-Тепе VII с майкопскими предметами в Малой Азии [12, 66]. Н.И. Шишлина также отмечает «некий искажающий резервуарный эффект», который является причиной расхождения двух дат по С 14 для одного погребения на 300 –400 лет [33,274]. На наш взгляд, это еще раз доказывает, что новая калиброванная хронология на сегодняшний день несовершенна [4]. Хотя и европейские, и американские археологи переводят систему хронологии на калиброванные даты, а отечественные археологи принимают эти правила, *и те, и другие должны ответить на вопрос, как согласуется система калиброванных дат с исторической хронологией. Почему по калиброванным датам майкопские предметы датируются по археологии 30 в. до н.э., а по исторической хронологии и некалиброванным датам С14 датируются 23 в. до н.э.*

Игнорировать историческую хронологию означает изолировать археологию как историю дописьменных обществ от остальной истории древнего мира. Демонстрацией этой тупиковой ситуации является датировка комплекса с майкопской керамикой из Тель-Хазны (Сирия) Раннединастическим III (25-24 вв.) [15, 31-32, рис.10-12], на основании аналогий с северомесопотамскими памятниками, имеющих традиционные исторические даты, тогда как аналогичные северокавказские комплексы с майкопской керамикой эти же исследователи продолжают датировать 4 тыс. до н.э. Пока никто еще не предложил выхода из данной ситуации. По этой причине *мы подтвердили свою приверженность всем нашим высказываниям 1974-2007 гг. по проблеме генезиса, периодизации, датировки Майкопа и Новосвободной, оставаясь на позиции исторической датировки Майкопа и Новосвободной в пределах 23 вв. до н.э., опирающейся на традиционные базы абсолютной хронологии – египетскую и месопотамскую.*

Рисунки из книги В.А.Сафронова «Индоевропейские прародины». Красной рамкой выделены самые выразительные аналогии Майкопу.

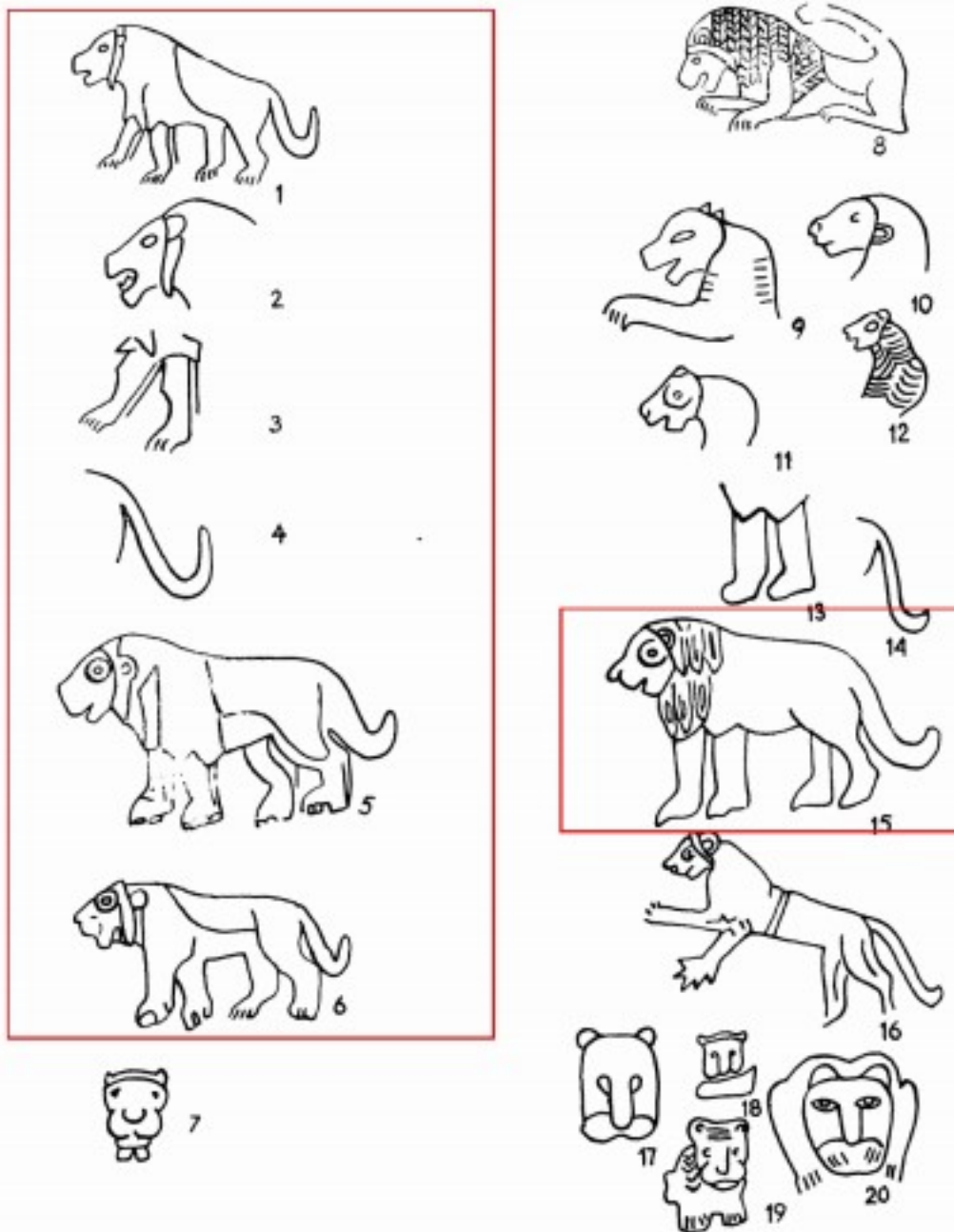

Рис. 62. Западные семиты на Северном Кавказе
«Лев» в искусстве Майкопа (1—7) и Р Д III Месопотамии (8—20)

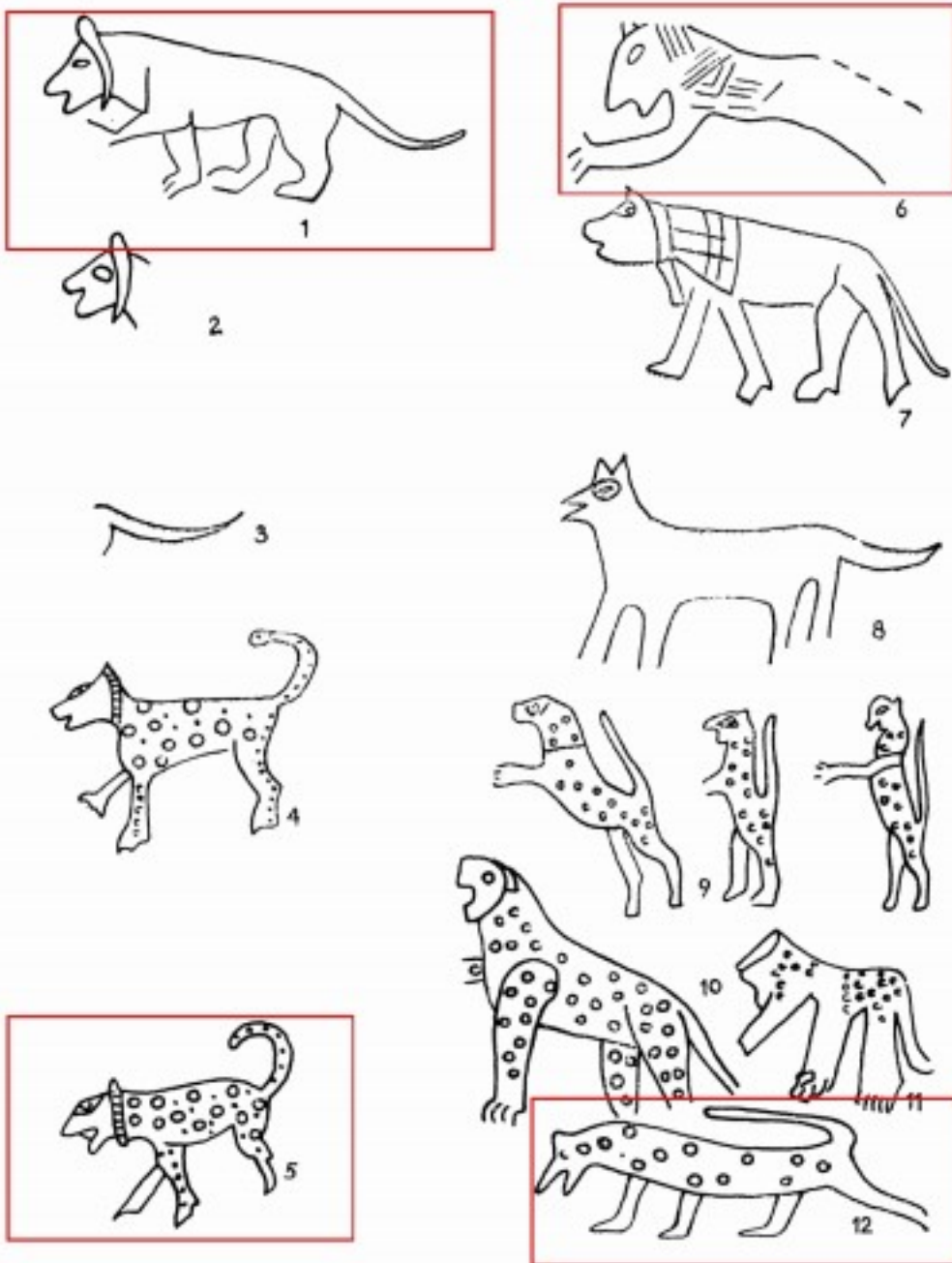

Рис. 63. Западные семиты на Северном Кавказе «Львица» в искусстве Майкопа (1—5) и РД III Месопотамии (6—12)

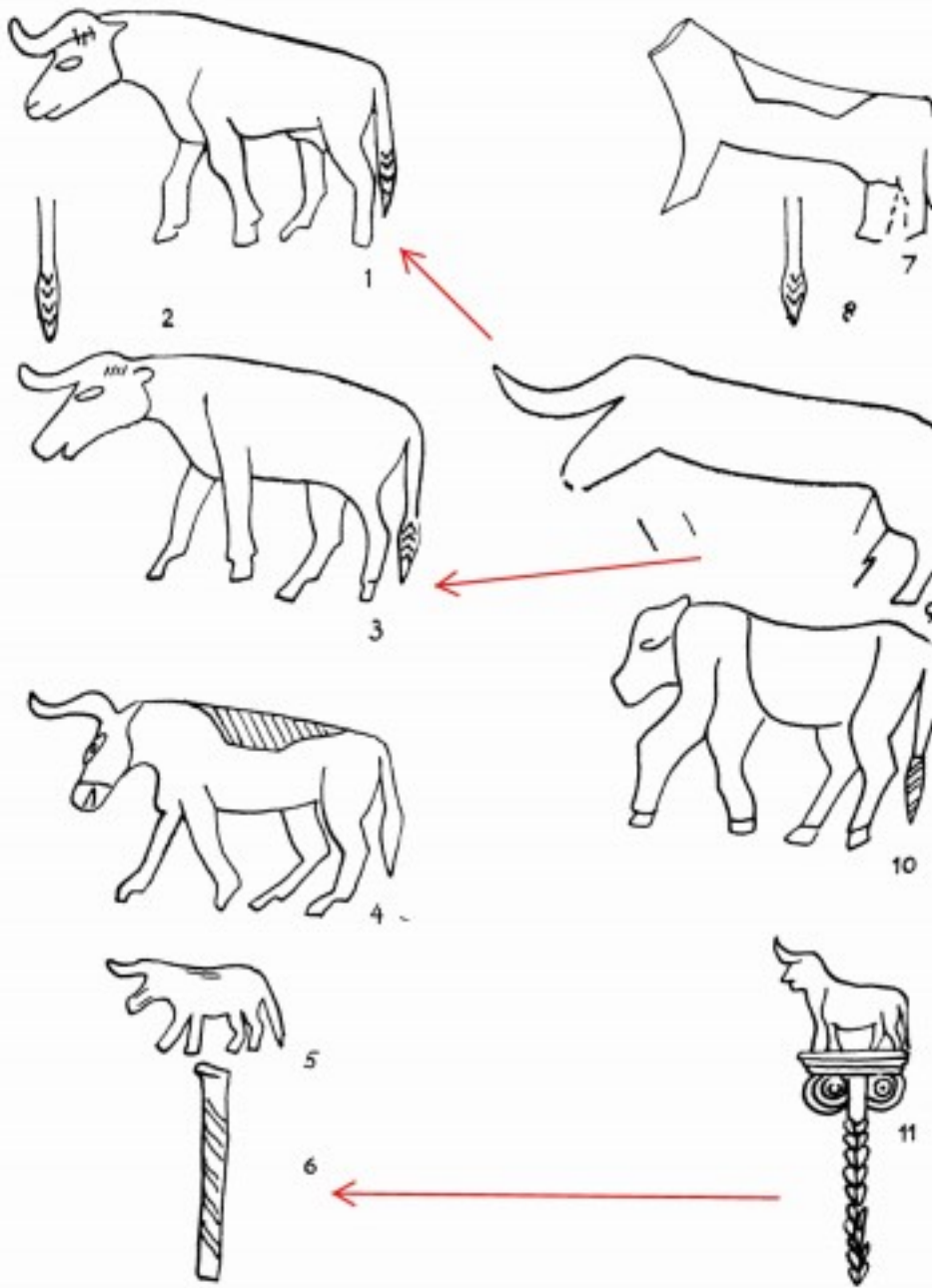

Рис. 63. Западные семиты на Северном Кавказе «Львица» в искусстве Майкопа (1—5) и РД III Месопотамии (6—12)

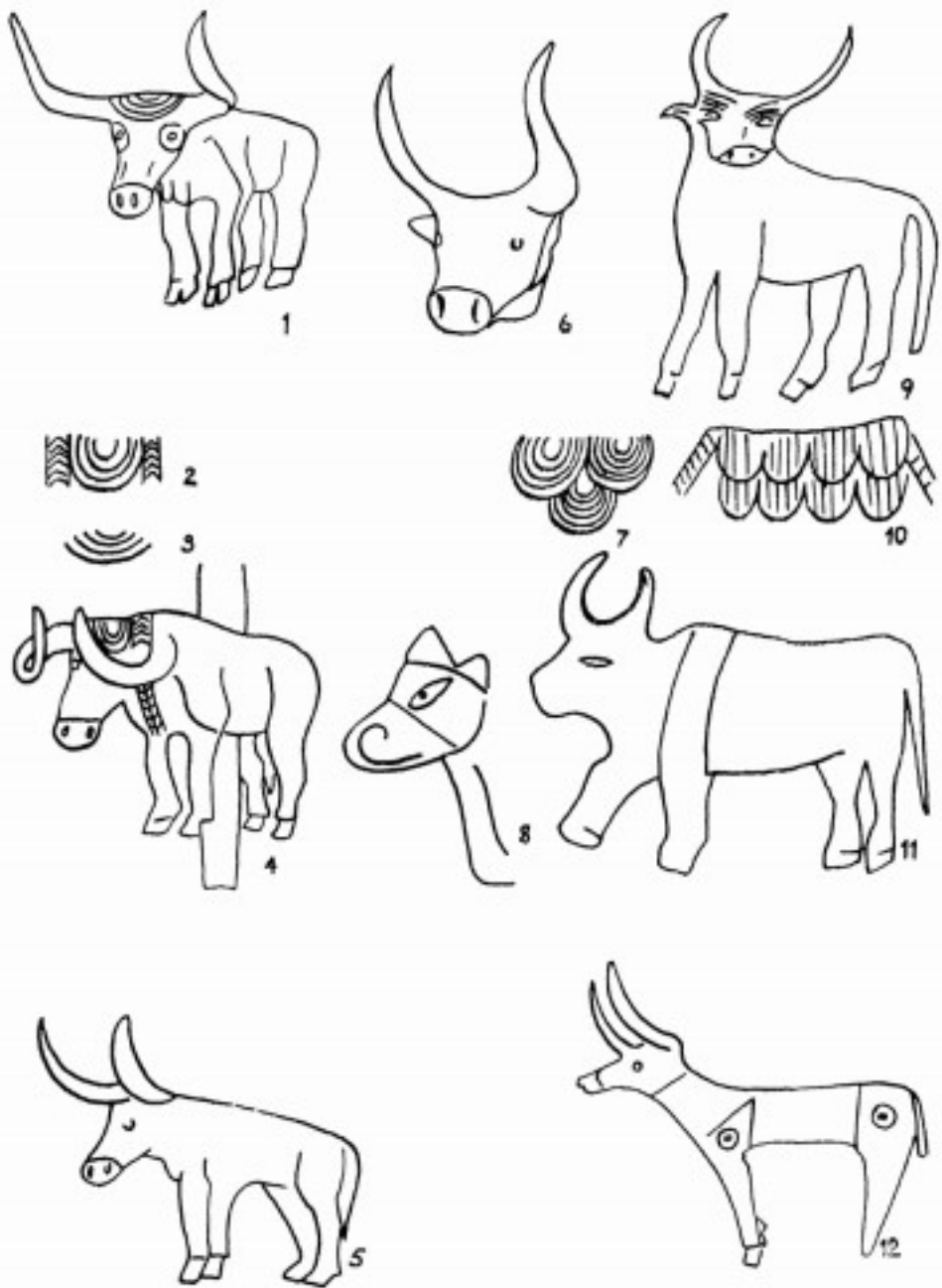

Рис. 65. Западные семиты на Северном Кавказе. Скульптурное воспроизведение «быка» в Майкопе (1—5) и РД III (6—12)

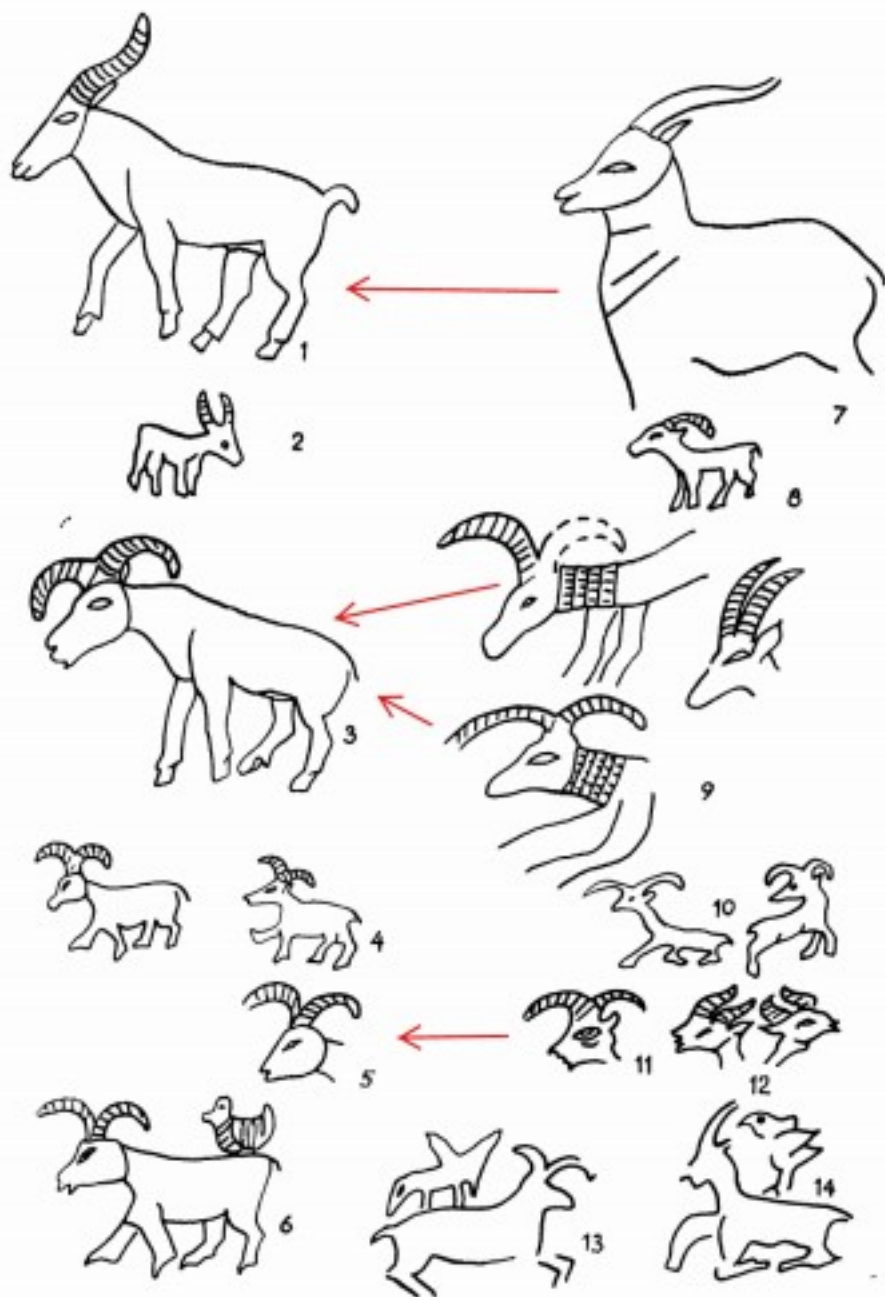

Рис. 66. Западные семиты на Северном Кавказе
«Козлы» в искусстве Майкопа (1—6) и РД III Месопотамии (7—14)

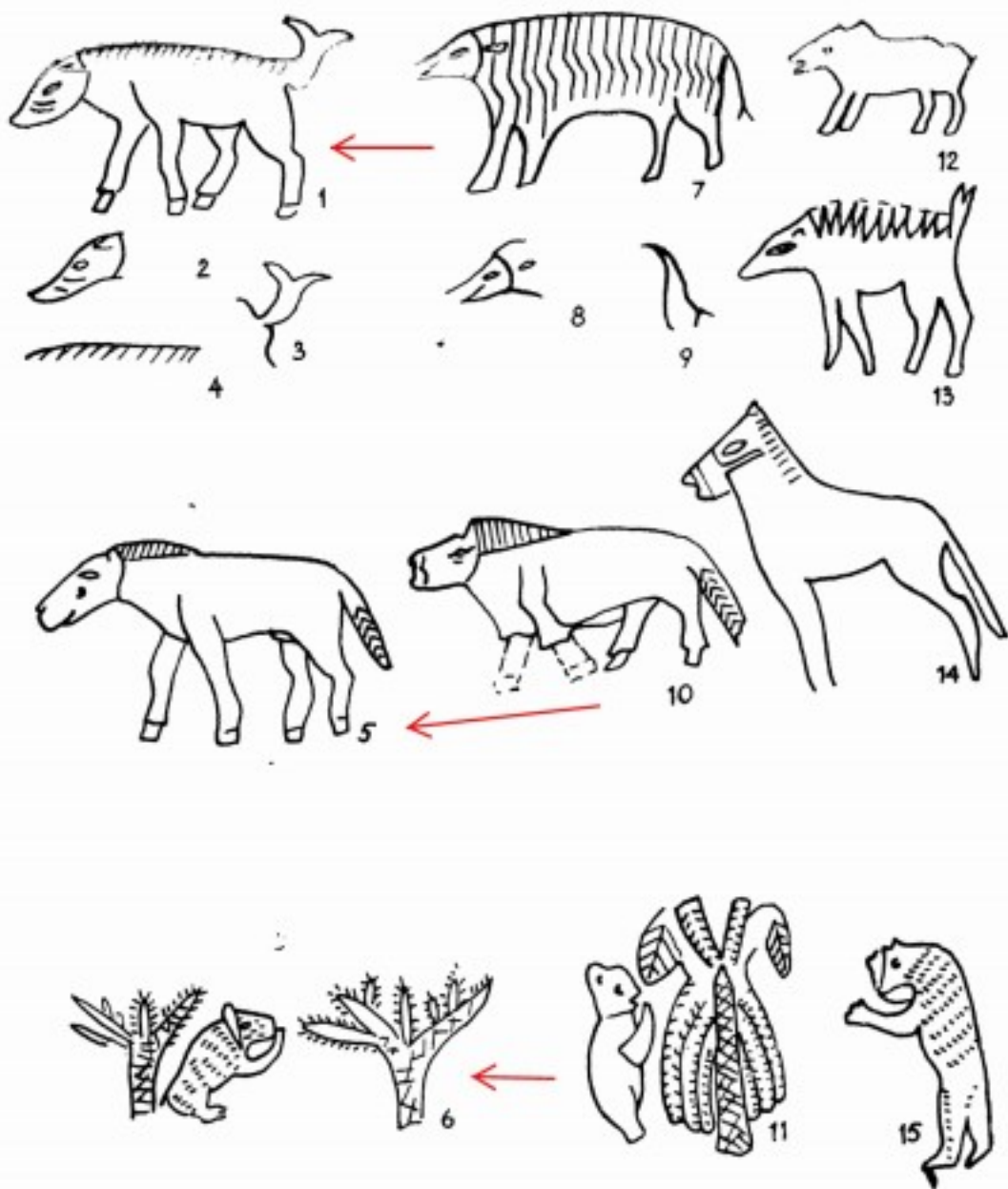

Рис. 67. Западные семиты на Северном Кавказе
«Кабан», «лошадь», «медведь» в искусстве Майкопа (1—6) и РД III (7—15)

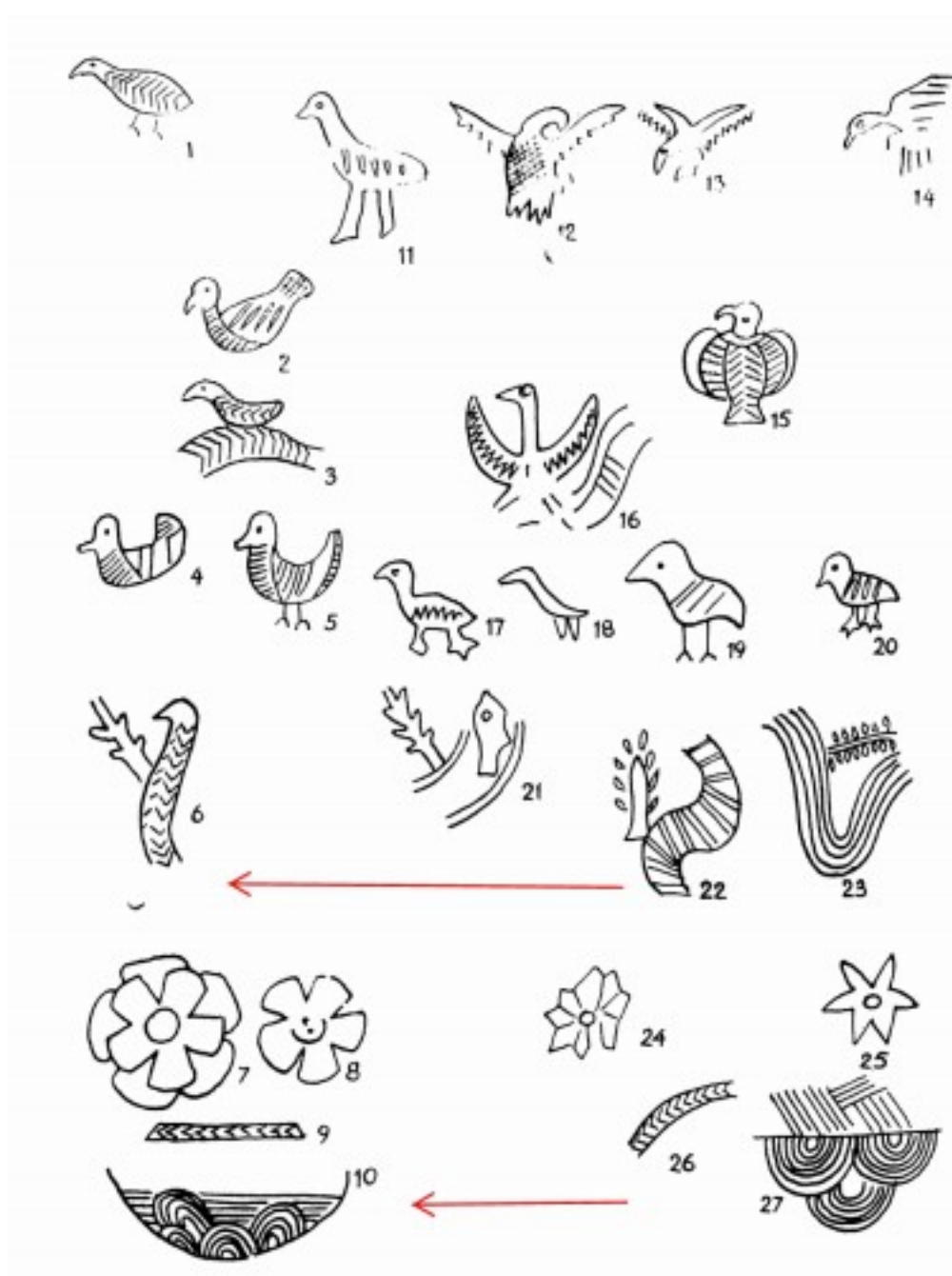

Рис. 68. Западные семиты на Северном Кавказе

«Птицы», «дерево в реки», «розетка, фестоны», в памятниках Майкопа (1 — и Р Д Ш (11—27)

Рис. 69. Западные семиты на Северном Кавказе
 Аналогии майкопской композиции на 2-ом сосуде (5) в памятниках
 РД III Месопотамии (1—4)

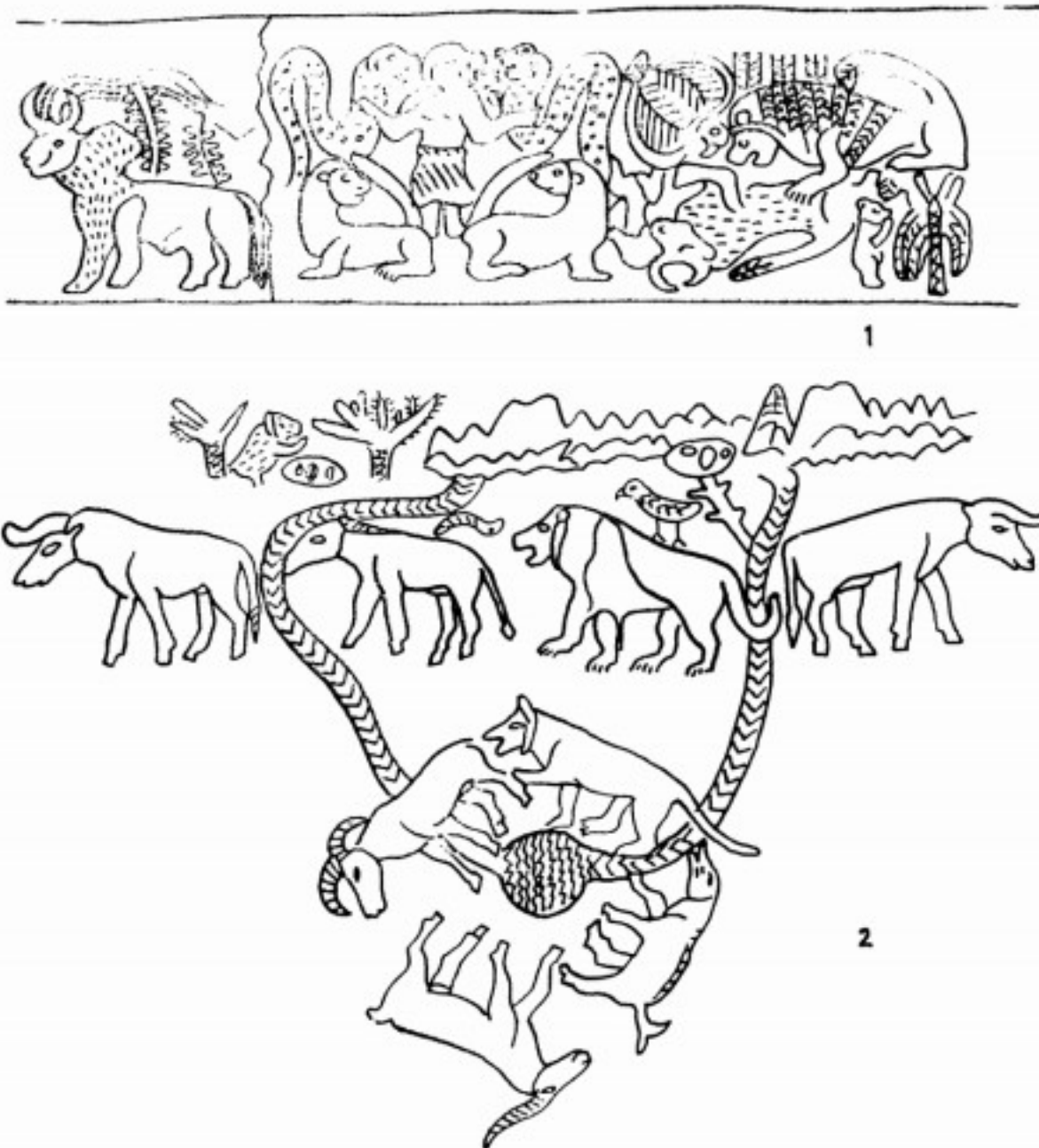

Рис. 70. Западные семиты на Северном Кавказе
Аналогии майкопской композиции на 1-ом сосуде, (2) в памятниках
РД П/РД III Месопотамии (1)

Литература

1. Андреева М.В. К вопросу о южных связях майкопской культуры. // Советская археология, 1977, №3.
2. Андреева М.В. Об изображениях на серебряных майкопских сосудах. // Советская археология, 1979, №1.
3. Артамонов М.И. Третий Разменный курган у ст. Костромской. // Советская археология, 1948, вып. X
4. Беседин В.И. О новых абсолютных датах предсрубного периода. // Исторические записки. Научные труды исторического факультета ВГУ. Воронеж. 1999. С.189—196.
5. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Киев, 1974. С.57 и сл.

6. Захарук Ю.Н. Памятники касперовского типа. // Археологія Українській РСР
7. Збенович В.Г. Памятники усатовского типа. // Археологія Української РСР. Киев, 1971. С.187-193.
8. Збенович В.Г. Позднее Триполье и его связь с культурами Прикарпатья и Малопольши. // Acta archaeologica Carpathica. 1976, вып. XVI. С.21–58.
9. Збенович В.Г. Позднетрипольские племена Северного Причерноморья. К., 1974. С.143.
10. Иессен А.А. К хронологии «больших кубанских курганов». // Советская археология. 1950, вып. XII.; Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
11. Корневский С.Н. Рецензия на монографию А.Д. Резепкина: Rezapkin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Maikop-Kultur in Nordwestkavkasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. 2000. // Российская археология, 2002. №4. С.170-176.
12. Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М., 2004.
13. Круц В.А. Позднетрипольские памятники Среднего Поднепровья. К., 1977.
14. Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.
15. Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я. Тель Хазна 1. Раскопки 2001 года // Российская археология. 2002. №4. С.20–40.
16. Нехаев А.А. Погребение майкопской культуры из кургана у села Красногвардейское. // Советская археология, 1986, №1.
17. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Происхождение дольменной культуры Северного Кавказа. // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М., 1974. С.174–198.
18. Николаева Н.А. Проблемы классификации, периодизации, хронологии и этнической атрибуции майкопской культуры в археологической литературе. // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1982. С.9-28.
19. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Хронология и происхождение майкопского искусства. // хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе. 1982. С.28-63
20. Николаева Н.А. Древнеевропейцы на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2006, №1. С.3-11.
- 20а. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе (Владикавказ). 1980. С.18-80. Рис.3,4.
21. Николаева Н.А. Индоарии на Северном Кавказе. // Вестник Московского государственного областного университета. «Серия «История и политические науки». 2007, №1.
22. Николаева Н.А., Сафронов В.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.1999.
23. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1897 г. СПб, 1900
24. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1898 г., СПб. 1900
25. Резепкин А.Д. Северо-Западный Кавказ в эпоху ранней и средней бронзы. Автореф. канд.дисс. Л., 1989.
- Резепкин А.Д. –Rezapkin A.D. Das frühbronzezeitlich Gräberfeld von Klady und die Maikop-Kultur in Nordwestkavkasien // Archäologie in Eurasien. Band 10. 2000.
26. Сафронов В.А. Хронология, происхождение и определение этнической принадлежности майкопской культуры по археологическим и письменным источникам. // Хронология памятников эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1982.
27. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. Горький, 1989; Он же. Новые пути решения майкопской проблемы. // Советская археология. №.1990.

28. Сафронов В.А., Николаева Н.А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. 2004.
29. Фармаковский А.В. Архаический период в России. // Материалы по археологии России. СПб, 1914, №34.
30. Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
31. Шапошникова О.Г. Памятники типа нижнего слоя Михайловки.// Археологія Українській РСР. Киев, 1971. С.257.
32. Шапошникова О.Г. Памятники нижнемихайловского типа.// Археология УССР. 1985. С.325-331.
33. Шишлина Н.И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы.(V—III тыс. до н.э.). М.. 2007.
34. Щепинский А.А. Кеми-обинская культура.// Археология УССР. 1985. С.331-333
35. Rassamakin Y.Y. Die Nordpontische Steppe in der Kupferzeit. Berlin. 2002

C.211-214